

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НЕКРОПОЛЬ БАРНАУЛЬСКОГО ТЕКСТА*

Т.А. Богумил

Ключевые слова: локальный текст, Сибирский текст, Алтайский текст, литературная некрополистика, В.Г. Шершеневич, Н.М. Ядринцев, А.В. Беэр.

Keywords: local text, Siberian text, Altai text, literary necropolistics, V.G. Shershenevich, N.M. Yadrintsev, A.V. Beer.

DOI 10.14258/filichel(2024)4-03

В самой широкой перспективе данное исследование строится в рамках проблемного поля междисциплинарных штудий: MemoryStudies (характеристика коллективной памяти и коммеморативных практик разных культур в синхроническом и диахроническом аспектах [Франция — память, 1999]) и Death Studies (описание «процесса выстраивания отношения со смертью» [Еремеева, 2015, с. 38]). В узком ракурсе изучение захоронений входит в область интересов исторической некрополистики. Историко-краеведческие изыскания посвящены «установлению, систематизации и интерпретации сведений о местах погребений, принадлежащих определенному локусу, о надгробиях и памятниках, а также о людях, чьи останки были захоронены в этих местах» [Красильникова, 2015, с. 33]. Поскольку историческая некрополистика выросла из генеалогических исследований, она пересекается с биографикой. Изучение образа могилы и кладбища литературоведом в методологическом плане сближается с исторической некрополистикой в тех случаях, когда вымысел автора отталкивается от реалии — могилы действительно существовавшего человека и в произведении реконструируется полудокументальная или откровенно вымышленная биография покойника. Анализ подобного художественного материала уместно, на наш взгляд, назвать литературоведческой некрополистикой.

Любой топологический свертхтекст, сформированный вокруг «историко-культурно-географически» конкретного пространства, преобра-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/> This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>

зует в художественную реальность «лишь те явления внеположенного бытия, которые оказываются определяющими, ключевыми» [Меднис, 2003, с. 17]. В центре внимания данной статьи находится зона пересечения двух семантически продуктивных «множеств»: круга значимых личностей (в т.ч. «культурных героев» и «geniusloci») и круга мест последнего упокоения людей. Наличие могилы человека, важного для самоидентификации жителей данной территории, не только определяет краеведческую и туристическую ценность локуса, но и задает мифо- и геопоэтический вектор творчества.

Впрочем, не меньшим текстопорождающим потенциалом может обладать ситуация отсутствия могилы, связанная с мотивами ее утраты, потери, перемещения, поиска и пр. Так, основополагающий для Сибирского текста русской культуры сюжет о Ермаке завершается гибелью атамана в водах реки. Могила Ермака историки безуспешно ищут с XVIII века [Адамов, 2015; Белич, 2015], опираясь на фольклорно-летописные источники о ее местонахождении и чудесных свойствах [Блажес, с. 94, 136, 161; Майничева, 2013]. Исследование художественной рецепции данного аспекта Ермакова сюжета, насколько нам известно, не проводилось и представляется перспективной темой литературоведческих изысканий.

В настоящей работе сфера наблюдений сужена до подсистемы Сибирского сверткста — Барнаульского текста. На литературной карте столицы Алтайского края особый интерес представляют те могилы, которые инициировали появление художественных произведений. Среди таких захоронений есть достоверные (В.Г. Шершеневич), кенотафные (Н.М. Ядринцев) и утраченные (А.Б. Беэр).

Наибольший резонанс среди местных писателей вызвала могила Вадима Габриэлевича Шершеневича (1893–1942). Некогда знаменитый поэт-имажинист, критик и теоретик литературы был эвакуирован на Алтай в октябре 1941 года, где скончался от милиарного туберкулеза 18 мая 1942 года и был похоронен на Булыгинском кладбище (действует с первой половины XX века).

Затерянная могила полузабытого на тот момент В.Г. Шершеневича была открыта для местной культурной общественности поэтом С.С. Яненко в конце 1970-х годов. Его друг Б.В. Капустин написал диптих «Два посвящения Станиславу Яненко» (1990), где создан семантический комплекс, почти неизменно воспроизводимый в дальнейших произведениях барнаульцев о В.Г. Шершеневиче: дружба-вражда с С.А. Есениным, оппозиция славы и забвения, контраст «столица — провинция». Судьба Шершеневича воспринимается прецедентом

для собственной. Знак памяти — надгробный камень — создает возможность метафорического возрождения человека в слове. Действительно, могила стала отправной точкой для написания не только стихотворения Б.В. Капустина, но и нескольких прозаических произведений об имагинисте.

В биографической повести А.И. Казаковцева «В пылающем небо-скребе» (1989) рамкой текста является упоминание о могиле В.Г. Шершеневича. Географическое перемещение из столицы в сибирскую «глухомань» синонимично ранее состоявшемуся вытеснению известного поэта на обочину литературного процесса — социальной смерти. В документально-художественной повести И.Ю. Образцова «Могила тревожного сердца» (2022) симптоматично, что краеведчески ценный для барнаульцев факт вынесен в сильную — заглавную — позицию¹. В произведениях А.И. Казаковцева и И.Ю. Образцова преобладает документальное начало, вымысел использован для оживления скупых биографических сведений и психологического портрета, для воплощения местного колорита. В романе В.Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» (2014), наоборот, достоверные данные о смерти В.Г. Шершеневича в Барнауле создают иллюзию реалистичности вымысла. Так или иначе, но вокруг могилы местными писателями был соткан текст, «оживляющий» ее насельника (см. подробнее [Богумил, 2023]).

Выдающийся общественный деятель и исследователь Сибири, идеолог областничества, публицист и писатель Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) погребен на втором старейшем кладбище Барнаула — Нагорном. Оно возникло в 1770-х годах вокруг Иоанно-Предтеченской церкви на единственном возвышении города — крутом берегу Оби. Интересно, что, когда в начале XX века великий князь Николай Михайлович затребовал от барнаульского духовенства список выдающихся лиц, похороненных в городе, он получил ответ, что таковых не имеется (что, конечно, не вполне соответствовало действительности). Единственное исключение было сделано для Н.М. Ядринцева [Красильникова, 2015, с. 137]. В середине 1930-х годов храм разрушили, погост почти полностью уничтожили: многие надгробные плиты были расхищены, могилы вскрыты и разграблены. На горе стал формироваться парк культуры и отдыха. С 1956 по 1992 годы здесь нахо-

¹ Повесть была переработана в «малый роман» «Кенотаф» (2023). В заглавии автор, судя по его интервью, имел в виду не фикциональную (букв. «пустая могила»), а мемориальную семантику слова (<https://www.youtube.com/watch?v=P-mMLk175QY&t=1049s>, время 16:29–17:05).

дилась ВДНХ, позднее — ее руины. В 2016 году началось восстановление храма и Нагорного парка. Сегодня в парке есть несколько надгробий-кенотафов, в том числе одно приблизительно на месте упокоения Н.М. Ядринцева.

Примечательно в свете темы настоящей статьи, что исторический роман И.П. Кудинова о Н.М. Ядринцеве «Окраина» (итоговый вариант вышел в 2001 году) связан с фактом расположения могилы в Барнауле. Описание процесса захоронения завершает итоговый текст романа, вышедший в 2001 году. В первом издании 1980 года этот микросюжет отсутствовал. Финальный фрагмент романа И.П. Кудиновым была опубликован в виде повести «Шесть дней в июне» (2000), где описаны важнейшие для горожан последние дни жизни публициста. Н.М. Ядринцев приехал в Барнаул в июне 1894 года, чтобы стать начальником статистического отдела Управления Алтайского горного округа, получил отказ от Александры Боголюбской на предложение о браке, принял чрезмерную дозу опия и скончался. В романе автор расширил историю своего героя, начав его жизнеописание с детских лет. При всем том, что заключительные страницы романа были написаны самыми последними, полагаем, что в целом акт текстопорождения был запущен финалом: и романа, и жизненного пути героя. Произведение противостоит энтропийной конечности человеческой жизни, «воскрешая» прах.

Первый начальник Кольвано-Воскресенских заводов генерал-майор Адреас Венедиктович Беэр (Beer, 1696–1751) был похоронен на самом старом — Петропавловском — кладбище Барнаула. Архивные документы проливают свет на обстоятельства погребения иноверца-лютеранина в ограде православной церкви вопреки действовавшему законодательству [Сергеев, 1995, с. 224]. В 1772 году погост, действовавший с 1748 года, закрыли. Под новые захоронения, согласно указу Екатерины II, были определены места за пределами жилой застройки (в Барнауле — высокий берег Оби, будущее Нагорное кладбище). В 1935 году собор Петра и Павла, как и некрополь вокруг него, были полностью уничтожены (современная площадь Свободы). В 2019 году на проезжей части улицы Ползунова проводились коммунальные работы, в результате чего были найдены несколько десятков захоронений горожан середины XVIII века. Однако ближайшая к утраченному собору территория осталась не исследованной, а тайна — не раскрытой, хотя был шанс идентифицировать останки А.В. Беэра по ДНК анализу [Бородаев, Франц, 2020].

В «неформальном путеводителе по Барнаулу» В.Н. Токмакова — романе «Сбор трюфелей накануне конца света» (2014) — детектив-

но-мистическая история начинается с разрытой могилы на Горе. Как станет ясно позднее, — это могила Андреаса Бэра, похороненного в 1793 году. Обратим внимание на намеренное изменение автором написания фамилии, даты и места последнего упокоения А.В. Беэра. Конечно, это маркер того, что реальная историческая личность является не более чем прототипом персонажа. Токмаков наделяет Бэра романтической внешностью и авантюрной биографией. Идентифицировать прах позволяет черная наглазная повязка на черепе мертвеца, одетого в мундир генерал-майора: *«Доподлинно известно, что в турецкую кампанию он лишился глаза. Ходили слухи, что в глазнице Бэр прячет огромный “Алмаз Раджи”, некогда пропавший из императорского хранилища»* (Владимир Токмаков. Сбор трюфелей накануне конца света. 2014. С. 10). Интрига заключается в том, что некто нашел и раскопал могилу, точное местонахождение которой никому не было известно, поскольку Нагорное кладбище десятилетия тому назад сменилось парком. Вскрытие могилы запускает череду убийств, расследовать которые вызван из столицы уроженец Барнаула журналист Тарас Гадунов. Детективный сюжет обрастает подлинными и квазиисторическими сведениями, которые проявляют в скромном провинциальном городке поистине сакральный центр Земли. Здесь начинается Апокалипсис, здесь же находится и путь к спасению: колодец в иной мир. Он спрятан под огромным камнем в подвале кирпичного дореволюционного особняка в Белокаменном переулке. Именно в этом особняке, продолжает мистифицировать читателя автор, *«несколько дней провел после эпилептического припадка Достоевский, а спустя полвека отравился писатель-публицист Николай Ядринцев»* (с. 51)². На картах города здания нет, оно сгорело в знаменитом пожаре 1917 года, действительно почти уничтожившем Барнаул. Однако в дом-призрак можно попасть, заблудившись, или, как выяснилось к финалу, через могилу Бэра. Особняк стоит на фундаменте строения XVIII века, в котором жили первые руководители барнаульского серброблавленного завода, т.е. потайной ход соединяет прижизненное и посмертное обиталище генерала. В криптоистории В.Н. Токмакова в 1926 году, когда Нагорное кладбище еще не разорили, могилу неочи-

² В романе особняк расположен по адресу в Белокаменный переулок (тупик), 19. В деревянном доме (не кирпичном особняке!) Я.В. Сулина на Большой Тобольской проживал Н.М. Ядринцев, где и умер от отравления опиумом в 1894 году (Алексей Челомбитко. Барнаульский охотничий кружок 1897 года). Эпилептический припадок случился у Ф.М. Достоевского в 1857 году в гостях у П.П. Семенова (Тян-Шанского), квартировавшего в доме купца В.И. Зубова на Большой Олонской, 39 [Сафронова, 2020, с. 88].

данно посетила чета Рерихов, чтобы убедиться в целостности захоронения-входа. Согласно альтернативной версии биографии А.В. Беэра, генерал был основателем первой в Сибири масонской ложи. Подлинная миссия Великого Мастера заключалась в проектировании сакрального плана города и магическом сокрытии «*врат в вечность и бессмертие*» (с. 257). В романе В.Н. Токмакова образ могилы начинает нарратив и завершает, в финале трансформируясь из конечной точки человеческой судьбы в медиальный локус. Как и в вышеприведенных примерах, место упокоения вызывает потребность в жизнеописании погребенной личности. Степень достоверности и вымысла в художественной биографии ожидаемо зависит от жанровых стратегий автора повествования.

Нагорное кладбище, видимо, в силу своего доминирующего положения в барнаульском ландшафте оказалось наиболее притягательным для писателей. Герой романа В.Н. Токмакова размышляет: «*Место для кладбища на Горе выбрали не случайно. Для умерших — тишина и покой. Для живых — красивый вид, прекрасный обзор*» (с. 197). Видимо, это был один из резонов для литературного «перемещения» захоронения А.В. Беэра / Бэра с Петропавловского на Нагорное кладбище. Однако более существенным видится обусловленность смены погоста необходимостью отчетливо выстроить художественное пространство романа по вертикали: от максимальной высоты Горы в максимальную глубину Колодца — от могилы к спасению.

Этот же некрополь появляется в романе В.Я. Зазубрина «Горы» (1933). В начале 1930-х годов Безуглый навещает могилу брата, красного командира, погибшего в 1921 году. Согласно историческим данным, до самого закрытия Нагорное кладбище оставалось наиболее престижным: «В начале 1920-х гг. именно здесь упокоились многие барнаульские революционеры и те, кого считали героями Гражданской войны» [Красильникова, 2015, с. 142]. Безуглый отмечает достоинства расположения погоста: «*Кладбище было на высоком холме. Внизу, на зеленой подстилке лугов, лежали кривые зеркала озер. Утки летали над ними стайками и парами. Селезни, вытянув шеи, гонялись за самками. Безуглый думал о брате. Веснами они охотились вместе. Теперь труп брата тлел в земле...*» (Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. 2012. С. 30). Герой фиксирует начавшееся превращение кладбища в парк: «*В городе мертвые владели лучшим парком. В праздник на кладбище поэтому — нашествие нарядных толп. В воротах ряды торгующих домашним квасом, орехами, конфетами. Над могилами люди грызли и жевали с беличьим проворством*» (там же, с. 29). В ментальном пространстве героя

доминирующий над городом погост экстраполируется на все поселение, превращая его в некрополь: *«Безуглый вспомнил Барнаул — мертвый центр горнодобывающей промышленности. Строгие корпуса плавилен Демидова полуразрушены. Кирпичной сухой кровью сыплются трещины их толстейших стен. В архиве под пеленой тлена лежат дела колывано-воскресенских заводов. На кладбище крошатся каменные плиты могил горных командиров: берггешвориноров, унтер-шихтмейстеров и царевых управителей — статских генералов»* (с. 107).

Если В.Я. Зазубрин прибегает к мортальной метафорике, то у В.Н. Токмакова идея города-некрополя лежит в основе мифопоэтики романа: *«...Барнаул еще и единственный в Сибири, а может и в стране город, который стоит ... на семи снесенных, разрушенных, стертых с лица земли (или почти стертых) кладбищах! <...> Город живет в страшном, отрицательном силовом поле.<...> ...такое странное расположение на косях стяжало Барнаулу славу среди колдунов и магов всех мастей»* (Владимир Токмаков. Указ. соч. 2014. С. 165–166). Естественно, к реальной истории и архитектурному плану города эти утверждения малоприменимы. Впрочем, как и последующее утверждение персонажа-краеведа, что генерал Бэр обозначил места для постройки пяти церквей (вокруг которых потом сформировались кладбища). Соединение храмов одной линией образовывало правильную пятиконечную звезду, в центре которой находился Петропавловский собор. В плане был зашифрован путь *«к Вечности»* (с. 198). Так в романе пространство Барнаула из проклятого превращается в сакральное, из гиблого — в спасительное.

Дихотомия «рай — ад» лежит в основе мифологии многих городов, о чем в связи с Барнаулом писали В.В. Десятов и А.И. Куляпин [Десятов, Куляпин, 1998], опираясь на статью В.Н. Топорова «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте»: «Два полюса возможного развития этой идеи — город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город-бездна, ожидающий небесных кар, и город, преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю. Образ первого из них — Вавилон, второго — Небесный Иерусалим» [Топоров, 1987, с. 122]. Меньшими категориями провинциальный город, избывающий комплекс неполноценности, себя не позиционирует.

Подводя итог, следует констатировать, что методологически оправданно ввести новое понятие для исследований художественной рецепции могил реальных людей и их биографий — литературная некрополитика. Универсальный сюжет, связанный с литературной реконструкцией жизни погребенного человека, — сюжет «мнимого воскреше-

ния» (Н.Ф. Федоров). Литература, как и культура в целом, энтропийна, т.е. противостоит энтропии частной жизни, устремляет бытие к бессмертию (П.А. Флоренский, Н.П. Анциферов) [Гачева, 2013; Руднев, 2000, с. 15]. Образы могил и кладбища в локальном тексте определяют как его типичность, так и уникальность.

Postscriptum. Первым текстом, создающим образ упокоившегося человека, является эпитафия. Многое в интерпретации надписи на могильном камне зависит от того, чьей волей она выбрана: самого человека (прижизненно) или его ближайшего окружения. История появлений, исчезновений, смены эпитафий в некоторой степени отражает смену образа человека в глазах людей. Так, на первом надгробии могилы В.Г. Шершеневича в цемент были вдавлены деревянные буквы, образующие цитату из стихотворения Ш. Бодлера «Безраздельно» в переводе Шершеневича:

*О тайна преобразования!
Все чувства, как одно, звучат!
Есть музыка в ее дыханьи,
А в голосе есть аромат!*

(О, тайна преобразования! Памяти поэта Вадима Шершеневича. 1997. С. 83).

На могильном камне из черного лабрадорита, поставленной вдовой поэта М.М. Волковой в 1960 году, выбито факсимиле подписи В.Г. Шершеневича.

На могиле Н.М. Ядринцева в 1904 году его почитателями был поставлен памятник из серого гранита, на восточной стороне которого были строки стихотворения «Из гроба» сибиряка И.В. Омуревского:

*Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля!
Лежать в чужой земле, где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинуты поля,
Я не могу...*

(Иннокентий Омуревский. Из гроба. [19--]. С. 295).

После осквернения памятника в 1930-е годы он был восстановлен в 1956 году. Позднее с восточной стороны закрепили чугунную мемориальную доску со словами самого Н.М. Ядринцева: «Если на заре своей истории Сибирь не видела радостных дней, то ея лучшую будущность

вера в счастье и благоденствие, доступное всем народам, должны воодушевить и подкрепить тех, кто отдает свои силы и труд на ее обновление» (цит. по [Степанская, 2006, с. 294]).

Вдова А.В. Беэра Анна (урожденная дворянка Хрущева) заказала отлить из чугуна и разместить на наружной части склепа эпитафию, которая начиналась словами «Здесь похоронен благородный господин...», далее следовало перечисление заслуг мужа перед государством и Богом. В советское время эту плиту сдали в металлолом. Призывы краеведов увековечить память первого начальника Колывано-Воскресенских заводов пока не увенчались успехом [Бородаев, Франц, 2020].

Воздержимся от комментирования этих сведений, предоставив возможность поразмышлять о сути произошедших перемен другим исследователям.

Библиографический список

Адамов А.А. Поиск могилы Ермака: археологические исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 1. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/1.html>

Белич И.В. К вопросу о местонахождении могилы Ермака: «Бегишево (Баишево) кладбище или Бегишев погост»? // Евразийский союз ученых. 2015. № 7-7 (16).

Блажес В.В. Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

Богумил Т.А. Литературный портрет В.Г. Шершеневича в творчестве барнаульских писателей Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. URL: <https://doi.org/22455/2500-4247-2023-8-4-182-201>

Гачева А. Г. Служители духа вечной памяти: Н.Ф. Федоров и Н.П. Анциферов // Культурологический журнал. 2013. № 3 (13). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/199.html&j_id=14

Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст. 1998. № 3.

Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919–середина 1941 г.). Новосибирск, 2015.

Майничева А.Ю. Ермак и место его гибели в народной памяти // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 7.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.

Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000.

Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского. Барнаул, 2020.

Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул, 2006.

Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

Источники

Бородаев В., Франц А. «Главный командир». Краеведы предлагают увековечить память Андреаса Беэра: интервью / интервьюер А. Колокольцева. Аргументы и факты. 2020. 27 июля. URL: https://altai.aif.ru/society/glavnyu_komandir_kraevedy_predlagayut_uvekovechit_pamyat_andreasa_beera

О, тайна преобразования! : памяти поэта Вадима Шершеневича. Барнаул, 1997.

Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: в 5 т. / под общ.ред. А.И. Куляпина. Барнаул, 2012. Т. 3.

Омулевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. Петроград, [19--]. Т. 2.

Сергеев А.Д. Где искать могилу А.В. Беэра // Алтай. 1995. № 1–2.

Челомбитько А.М. Барнаульский охотничий кружок 1897 года. URL: <https://proza.ru/2022/08/26/1025>

References

Adamov A.A. Search for Yermak's Grave: Archeological Studies. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskinyenauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 2015, no. 9, ch. 1. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/1.html> (In Russian)

Belich I. On the Question of the Location of Ermak's Grave: "Begishevo (Baishevo) Cemetery or Begishev Churchyard"? *Yevraziyskiy soyuz uchenykh* = Eurasian Union of Scientists, 2015, no. 7-7 (16). (In Russian)

Blazhes V.V. *Folk story about Ermak*. Yekaterinburg, 2002. (In Russian)

Bogumil T.A. *Literary Portrait of V.G. Shershenevich in the Works of Barnaul Writers. Studia Litterarum* = Studia Litterarum, 2023, vol. 8, no. 4. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-182-201> (In Russian)

Desyatov V.V., Kulyapin A.I. Barnaul Myth in Russian Literature. *Kul'tura i tekst* = Culture and Text, 1998, no. 3. (In Russian)

Gacheva A.G. Servants of the spirit of eternal memory: N.F. Fedorov and N.P. Antsiferov. *Kul'turologicheskiy zhurnal* = Culturological Journal, 2013, no. 3 (13). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/199.html&j_id=14 (In Russian)

Krasilnikova Y.I. *You can not forget to remember... Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia* (late 1919–mid-1941), Novosibirsk, 2015. (In Russian)

Maynischeva A.Y. Ermak and Seat of its Death in National Memory. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Novosibirsk State University, 2013, vol. 12, no. 7. (In Russian)

Mednis N.Y. *Supertexts in Russian literature*, Novosibirsk, 2003. (In Russian)

Nora P. *France — memory*, St. Peterburg, 1999. (In Russian)

Rudnev V.P. *Away from reality: Studies in the philosophy of text*, Moscow, 2000. (In Russian)

Safronova Ye.Y. *Siberian text by F. M. Dostoevsky*, Barnaul, 2020. (In Russian)

Stepanskaya T.M. *Architecture of Altai XVIII–XX centuries*, Barnaul, 2006. (In Russian)

Toporov V.N. The Text of the Maiden City and the Whore City in the Mythopoetical Aspect. *Issledovaniya po structure teksta* = Studies in the Structure of the Text, Moscow, 1987. (In Russian)

List of Sources

Borodayev V., Frants A. «Chief Commander» Local historians Propose to Perpetuate the Memory of Andreas Beer: interview. *Argumenty i fakty* = Arguments and Facts. 2020. 27 July. URL: https://altai.aif.ru/society/glavnyy_komandir_kraevedy_predlagayut_uvekovechit_pamyat_andreasa_beera

Oh, the mystery of transformation!: in memory of the poet Vadim Shershenevich, Barnaul, 1997.

The image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries. Anthology: in 5 vols, ed. by Kulyapin A.I., vol. 3, Barnaul, 2012.

Omulevskiy I.V. *Complete works*: in 2 vols, vol. 2, Petrograd, [19--].

Sergeyev A.D. Where to look for the grave of A.B. Beer. *Altay* = Altai, 1995, no. 1–2.

Chelombitko A.M. *Barnaul Hunting Club in 1897*. Retrieved from <https://proza.ru/2022/08/26/1025>